

С высоты птичьего полета

**Вчера меня спросили:
«Как я считаю птиц...»**

Птицы с раннего детства окружали меня. Моя бабушка часто говорила: «Женька, ну что проку в этих попугайчиках, ни пера, ни мяса. То ли дело перепелочка. Птичка маленькая, а когда сварить, то жира в котелке с палец». Странно мне было это слышать от своей бабушки.

Друг моего отца, увлеченный электроникой, в 60-е годы предсказывал, что скоро человечество сможет обеспечить себя абсолютно всем, а живой природы не будет, наступит век кибернетики, все будут делать роботы под контролем компьютеров. Слава Богу, это не так.

В семье надеялись, что моя увлеченность птицами пройдет. Но нет, по жизни я иду с нею с детства.

«Птички! Сколько же я слышал тогда, сколько теперь слышу это слово с некоторой иронией от трезвых, добропорядочных людей. Его произносят, сморщив нос, покачивая головой, как над безнадежно больным. Птицы?! Неужели вы правда ходите в лес, ловите их, а как считаете? Скажите пожалуйста, как интересно. И собеседник уводит глаза в сторону, чтобы я не увидел насмешки».

Птицы во все века олицетворяли свободу и независимость. Поэтому знали их в большинстве своем знатные люди или приближенные к ним. Не зря исследователи «Слова о полку Игореве» полагают, что его автором был светский образованный человек? Но не монах. На это указывает то, что в «Слове...» деревья и травы есть, но безымянные, рыбы не упоминаются, а птицы реальные, звери — тоже. Пятьдесят четыре раза птицы названы по именам! А сколько названий трав вы встретите в тексте — их почти нет. Просто — дерево или травы: «Древо лист не к добру обронило», «Никнет трава от жалости». Только один раз упоминается тростник в плаче Ярославны — ковыль. Монахи, кстати, были травниками, не говоря уже о знахарях и «аптекарях». Конкретное знание трав прорвалось бы в «Слове...», как это случилось с птицами: «сизым орлом под облаком», «уснул соловьиный щекот, говор галочий пробудился», «кричат телеги в полночи, будто лебеди растревоженные», «дятлы стучом дорогу к реке кажут».

Долгое время считали, что стройность образа описания места побега Игоря нарушало упоминание полоза — змеи. Ведь там сплошь птицы: вороны, галки, сороки, дятлы, соловьи — и вдруг между ними полоз... Догадка о поползнях, сереньких птицах, ползающих по стволам деревьев, высказывалась, но на нее не обращали внимания, только Игорь Шкляровский стал толковать полоза как птицу. «Слово о полку Игореве» — десять страниц. Две с половиной страницы — об-

разы соколиной охоты и просто птиц. Д.С. Лихачев говорит, что «Слово...» написано как бы с высоты птичьего полета. Портретом автора может быть символ — человек с соколом на плече, а лицо его закрыто крылом птицы.

Думаете в нашей современности что-то изменилось? Нет! Японская принцесса — страстная любительница птиц, она посещает конференции, семинары, посвященные проблемам изучения птиц, сама ездит в экспедиции. В Англии орнитология — традиционное увлечение, в том числе и представителей английской аристократии, включая членов королевской семьи. Примерно так же — в Германии и Швеции. Я уже не говорю об Арабских Эмиратах, куда российская теневая экономика поставляет за баснословные деньги ловчих соколов и орлов.

В Германии существуют своеобразные клубы любителей птиц, членами которых являются пенсионеры. Между членами одного клуба существуют своеобразные соревнования: кто больше видел птиц. И, выезжая на летний отдых, часто за границу, они преследуют одну цель — повстречаться с новыми видами птиц. У каждого из них в своем багаже имеется атлас. Увидел кого — отметил. А осенью, вернувшись на родину, подводят итоги, устраивая своеобразные семинары, где делают сообщения. Стараются встретиться с той птицей, которую в родных лесах либо уже не встретишь из-за урбанизированности ландшафта, либо ее очень сложно встретить. Скольким таким туристам устраивали экскурсии мои коллеги-орнитологи в Подмоскovie, под Санкт-Петербургом, в Карелию и другие места.

Это все у них там, а здесь у нас, в России? А у нас на человека, увлеченного птицами, смотрят как на умалишенного. Но было так не всегда. В прошлом веке в лавке, трактире, мастерской сапожника или ремесленника — везде посетителей встречали клетки с певчими птицами. Содержали щеглов, чижей, наиболее самостоятельные и опытные имели соловьев, стоивших по тем временам около двух тысяч рублей (об американском долларе тогда и не знали). Аристократы содержали канареек. Перелом произошел где-то в начале нынешнего века. Россия обладала одним из лучших пород домашних животных, все это благодаря разнообразию природных условий. Породы были и из теплых мест, и с севера. Но репрессии 37-го, лысенковщина, Великая Отечественная война лишили нашу страну буквально всего, и титанов науки в том числе.

Сможет ли Россия вернуть былое? Сколько современных ученых (!) едва сводят концы с концами, тогда как в любой другой стране...

Евгений СТРЕЛЬНИКОВ.
Заповедник «Юганский».
ФОТО автора.